

ВЛАДИМИР НАБОКОВ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ Хусиханов А.М.¹, Гапурхаева М.Р.²

¹Хусиханов Ахмед Мусаевич - профессор, доктор филологических наук,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой,
кафедра русской и зарубежной литературы

Чеченский государственный университет, г. Грозный;

²Гапурхаева Мадина Руслановна – магистрант,

кафедра русской и зарубежной литературы, филологический факультет,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Ингушский государственный университет, г. Магас

Аннотация: в мировой литературе укрепился персонаж по имени Русский Эмигрант. Он давным-давно стал родным в достойном ряду, где миролюбиво соседствуют Немецкий Солдафон, Британский Полковник, Австралийский Абориген, Французский Бонвиван и Американский Коммивояжёр. Так формируется литературная слава. О творчестве Набокова ходит много легенд. Одни прецеденты считают, Набоков начисто лишён ностальгии. Некоторые обвиняют его в отсутствии чувств, считая, что он холоден. Для других каждый его роман представляется сложнейшим ребусом, требующим продолжительных стараний для своей разгадки. По мнению автора, Набоков прятал свою тоску по родине. Он старался скрыть это чувство от прямого читательского взора.

Ключевые слова: эмиграция, прозаик, ностальгия, культура, литература русской эмиграции, сюжет.

Персонаж по имени Русский Эмигрант уже давно и прочно закрепился в мировой литературе. Россия за прошлый век так часто перерождалась (царизм-ленинизм, ленинизм-сталинизм, сталинизм-беспредел, беспредел-гламур), что в эмиграции оказалась огромная часть ее населения.

Говоря более широко, эмиграция – это не всегда выезд из страны. Иногда это означает отдаление страны от тебя самого. Этот период наступает тогда, когда человек просыпается утром в новом мире, но не чувствует себя в нем «своим».

Набоков стал главным прозаиком двадцатого века, хотя его поначалу теснили то Булгаков, то Бунин. В конце концов, Бунина приписали к дворянской классике, маскульт приватизировал Булгакова, а из «Мастера» после этого неожиданно полезла пошлость (оказывается, она там так и была) [1, с. 22]. Набокова не получится приватизировать, втащить в сериал или легко поставить на сцене – так главной утехой писателя оказался он сам.

Популярности автора часто способствует лестная идентификация. Трудно имитировать Набокова, но его востребованность от этого не страдает – он учит эмигранта вести себя правильно. А поскольку мы все хоть немного эмигранты (хотя и возвращаемся в экстремальных ситуациях на родину и защищаем ее), то выходит, что Владимир Владимирович еще и самый полезный писатель. Читая Набокова, можно по-настоящему воспитать в себе эмигранта, которого аборигены будут уважать, читать и даже переводить.

Мировая литература полна русскими эмигрантами: одни тоскуют по великой империи, другие по ресторану Союза писателей, третьи по фарцовке в подземном переходе. Но ситуация частенько бывает не прочной, и от кутежей в ресторанах до облавы и бегства – один шаг [3, с. 342]. Набоков, ребенок с аристократическим воспитанием – идеальный писатель для «невозвращенцев». Свой аристократизм он сумел сохранить и в изгнании, и в полной нищете, о которой еще и шутил неплохо («Париж, денег нет») [5, с. 232].

Манифест «Юбилей» считается лучшим публицистическим олицетворением русской эмиграции, который показал всем, что такое самоощущение изгнанника на самом деле. Юбилей Октября – это 10 лет гордости и презрения недалеких соотечественников, которые тоскуют исключительно по поместьям, не желают вокруг себя ничего видеть.

Набоков – это еще и пример космополитического эмигранта-аристократа, который открыт для мира и не пожелал закрыться в скорлупе тоски и российской диаспоры. Он умудряется видеть нежность и прелесть и в Берлине, и ненавистной Германии; восхищается тенями лип, и неплохо вписывается в общий европейский «тренд», написав «Камеру обскура», где видна русская семейная этика и европейский лоск слога [4, с. 246].

В творчестве писателя прослеживается не только легкость, изящество, но и явное (присущее аристократам) нежелание отягощать окружающих своей трагедией [3, с. 128]. Да, он в изгнании, но его изгнание – именно трагедия, ни в коем случае не жалкая жизненная неудача. Мы знаем достаточно, о его жизни: о том, как не хватило денег, чтобы прибыть в Прагу на похороны матери, о том, как еле удалось увезти жену-еврейку из передвоенного Парижа, о том, как писал «Дар» на доске в ванной комнате, о том, в каком аду он жил с 30-го по 40-й год.

Много интересного из жизни можно прочесть в «Истреблении тиранов», где автор выражает свои настоящие страсти. Часто Набоков наряжался в толстяка, хотя сам был чересчур худым (как ему казалось) – этот прием обнаружен в «Адмиралтейской игле» [2, с. 45]. Ему казалось, что если герой будет толстым, то на него самого никто не подумает. Истребитель тиранов, грузный учитель рисования остро чувствует свою именно физическую неспособность оторваться от погони. Также и эмигрант – неуклюжий и неповоротливый, ведь движения его стеснены: из-за убогой визы деваться некуда.

Набоков – писатель страстный, сентиментальный, нежный. Есть у него смелые приемы, которые, к тому же, постоянно саморазоблачаются, но его мораль все так же остается старомодной и традиционной, а принципы его аристократически тверды [5, с. 77]. Добро восторжествует, а злые будут осмеяны и наказаны. Например, сожительство с четырнадцатилетней наказывается по всей строгости нравственного закона писателя. Его самый моральный роман «Ada, or Ardour» описывает вырождение страсти, в огне которой сгорают хорошие люди вроде Люсетты, а все произведение – развенчание гедонизма.

Один из лучших романов Набокова «Бледный огонь» – гимн безумию, но версия безумца оказалась убедительнее реальности. Несимпатичный Боткин, над которым все хохочут, является идеальным изгнанником, хотя, пожалуй, слишком жалким. Но что такое поэма Шейда без его комментариев? Собственно, здесь писатель проговорился откровеннее всего – это произведение и есть его самый точный портрет: Шейд – тот, кем он хотел быть, а Боткин – тот, кем был на самом деле [6, с. 56]. Набоков американского периода ведет себя как Шейд, и в то же время всегда помнит о Боткине, когда заступает за слабых, помогает новичкам, сочиняет «Пнина». Шейд – это гениальная эмигрантская маска Боткина, которая, в конце концов, гибнет.

Говорят, что Набоков как писатель циничный, холодный. Но это неправда. Пнин, чтобы сохранить рассудок и более или менее нормально жить, научился никогда не вспоминать о Мире Белочкиной – и совсем не из-за банальности и краткости юношеской любви, а потому, что существование совести и сознания были бы невозможны в мире, где Мира умерла. Вот и приходится забывать, чтобы не жить с мыслями, что молодую и изящную женщину могли привезти в грязном вагоне в лагерь и умертвить инъекцией в сердце. Такая вот защитная функция людской психики, чтобы сохранить рассудок.

Настоящая сущность Набокова ясно представлена в «Знаках и символах», лучшем американском рассказе писателя – правильный эмигрант не должен даже приоткрывать створки своей раковины. А ведь одной раковиной дело не ограничивается, и это постоянно ускользает от интерпретаторов Набокова, которые ценят в нем, прежде всего, интеллектуальность, высокомерие и интерсексуальность. Таких интерпретаторов много – это вполне добровольные эмигранты, которые могут, но не желают вернуться: внутренняя эмиграция вполне может быть колбасной [2, с. 114]. Кто-то едет за колбасой не на Брайтон, а в себя, подальше от любой проблематики и той жалкой, выродившейся страны, с которой приходится иметь дело сейчас. Данная «внутренняя колбасная эмиграция» упрямо косит под устрицу, но не имеет ничего, кроме посредственных створок; она надевает высокомерную улыбку, размышляя о стране и играет в аристократию. Такая эмиграция может быть и внешней – в Штатах или Европе полно таких. Все они наигранно тоскуют по райскому детству, хотя оно прошло в отвратительном времени. Но какой Набоков без райского детства?

Кодекс поведения посланника рая в аду – вот Набоков. Наш русский эмигрант определяет себя тем самым ангелом в аду. Оттого у нас все любят жить так, будто в прошлом было нечто абсолютно прекрасное – что невозможно описать и к чему уже не вернуться, даже если это лагеря и дефицит. Кажется, посему каждое русское поколение помнит о рае и ненавидит ад.

Список литературы

1. Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. Публицистика русского зарубежья // Сборник статей. М., 2012. С. 20-45.
2. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Том I. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга вторая. На чужбине // Гея. М., 2013. С. 751.
3. Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. // Языки русской культуры. М., 2012. № 2. С. 240.
4. Александров С.А. Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника). М., 2011. С. 311.
5. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Док. и мат. Учебн. пособ. под ред. А.Ф. Киселева // Гуманитарный издательский центр. М., 2014. С. 645.
6. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции // Мысль. М., 2015. С. 123.